

"Коболок": сказка: комментарий первый и последний

© доктор филологических наук В. Н. Базылев, 2000

*И снова скальд чужую песню сложит
И как свою ее произнесет*

(О. Мандельштам)

Это — фрагмент книги для чтения для иностранных студентов-филологов, это — рассказ иностранцам о России. Это — серия примечаний к сказке. Серия — двенадцать примечаний, неповторяющихся и перемежающихся, составляющих "коллективное единство", единство деконструкции и реконструкции, т. е. чтения и понимания текста, эстетического наслаждения "сказкой".

Комментарий 3. Колобок. Амбивалентность — от лат. *ambo* — оба и *valentia* — сила; двойственность чувственного переживания, выражающаяся в том, что один и тот же объект вызывает к себе у человека одновременно два противоположных чувства. Обычно одно из амбивалентных чувств вытесняется (как правило, бессознательно) и маскируется другим. Амбивалентность коренится в неоднозначности отношения человека к окружающему, в противоречивости системы ценностей. Термин предложен швейцарским психологом Э. Блейером (БСЭ. 3-е изд. М., 1969. Т. 1. Стлб. 1497).

Круглый, плоский. Круглый, округлый. Колобъ м. — бѣкъ, — бѣчекъ; колобуръ, колобухъ, колобушекъ, колобуха ж. — бѣшка, колѣбка, колѣбанъ м. — башка об. — банчикъ м. колѣбишка; колѣбища, скатанный комъ, шаръ, груда, валенець, катанецъ; небольшой, круглый хлѣбець; кокурка, толстая лепешка, клецка из прѣснаго тѣста, ино на молокѣ; пряженецъ кислаго тѣста, ол. круглый пирогъ съ толокномъ. Колобъ тѣста, сыру, глины и пр. Толокняный колобъ, валенець на маслѣ. Колобъ съ сокомъ, съ коноплянымъ молокомъ. Сѣроки святыя, колобаны золотыя, въ день 40 мучен. пекутъ колобы или жаворонки. Я колобокъ, по сусекамъ метень, въ сыромъ маслѣ пряжень изъ сказки. Нѣмецкій колобъ съ изюмомъ. Подъ стукаловъ монастырь, подъ чугунныя колобы, на войну. Не блины, а колобы. Отъ сына дурака не хлѣбы, а колоба. Печь колобы, острить, шутить, балясничать арх. Колобѣнчатый пск. твр. о скотѣ выкормленный и холеный, взросшій на колобахъ. Колебятка, симб. послѣдній хлѣбъ изъ квашни (Даль В. И.

Толковый словарь живаго великорусскаго языка. Том второй. СПб.-М., 1881. С. 138).

Кóлоб "шар, колобок, моток, круглый хлеб", арханг., вологодск., нижегор., псковск., тверск.; колобу́ха "галушка, увалень", сюда же колоба́н "толстая лепешка" тверск. околóбеть "сжаться", скóлобить "сжать комом", укр. колóбок. Надежные сопоставления отсутствуют, но вряд ли это слово является заимствованием. Корш и Бернекер сравнивают это слово с греч. $\chi\omicron\lambda\lambda\alpha\beta\omicron\varsigma$ "пшеничный хлеб", однако заимствованное из греч. слово (вопреки Бернекеру) имело бы «в», но никак не «б». Следует отделять от словен. *sklabotína* "осадок, намыв" по семантическим соображениям, вопреки Торбьёрнссону. Выведение из шв. *klabb* "чурка", норв. *klabb* "ком" или из др.-исл. *kolfr* "брус, шест" фонетически несостоятельно. Едва ли связано с коло (см. колесó), вопреки Горяеву. Отсюда колб́як "огрызок, кончик". Сомнительно родство с греч. $\chi\omicron\lambda\omicron\beta\omicron\varsigma$ "изувеченный", о котором см. Бузак. Ср. лтш. *kalbaks* "ломоть, краюха, хлеба" (см. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. Т. II. М., 1986. С. 292). Колобóбить "болтать, трепать языком". Возм. от кóло, óколо и ба́ить? По мнению Торбьёрнссона, родственно чеш. *klávos* "хлопанье", *klávositi* "болтать". (Там же. С. 293).

Амбивалентность мужественности и женственности. "Круглость" колобка соотносит его с женскими грудями, но тот языковой факт, что колобок — толстая лепешка, или то, что тесто вначале сжато, а затем набухает, — соотносит его безусловно с мужским началом. Неоднозначными оказываются тогда соответствия этимологического плана: шв. чурка, норв. ком, др.-исл. брус, шест; ср. вышеприведенное колб́як "огрызок, кончик". "Привлекающая большее внимание и интересная для обоих полов часть гениталий, мужской член, символически заменяется похожими на него по форме предметами, такими, например, как палки, шесты, деревья и т. п." (З. Фрейд. Введение в психоанализ. Лекции. М., 1991. С. 92-106).

Контаминация: интересно, а этого колобка пекли на «женских» или «мужских» дровах?

Амбивалентность вытесняется в русской культуре в пользу мужского начала колобка. См. у Даля: подь чугу́нные колобы, на войну; не блины, а колобы; от сына дурака не хлѣ́бы, а колоба́. Печь колобы, острить, шутить, балясничать — это признаки мужского речевого поведения. "Трудно рассказать, как хорошо потолкаться, в такую ночь, между кучею хохочущих и поющих девушек и между парубками, готовыми на все шутки и выдумки, какие может только внушить весело смеющаяся

ночь. Под плотным кожухом тепло; от мороза еще живее горят щеки; а на шалости сам лукавый подталкивает сзади" (Н. В. Гоголь. Ночь перед Рождеством).

Носитель современного русского языка (первая половина XX в.): Колобо́к, бка́, м. Небольшой круглый хлебец. Бабы-казачки напекли своим "учительницам" пирогов, колобков сдобных, вышли их провожать с поклонами, с поцелуями (Фурм. Чапаев). Бабушка взяла крылышко, по коробу поскребла, по сусеку помела, набрала муки пригоршни с две и сделала веселый колобок (Пришв. Колобок). Колобокóм, в знач. нареч. То же, что калачиком. Наверху, вместе с торбами, колобком свернулся Тишка (Мальшк. Люди из захолустья) (Словарь современного русского литературного языка. Т. 5. М.-Л., 1956. С. 1169).

Русский ассоциативный словарь (Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. Кн. 1-6. М., 1994-1998).

От стимула — к реакции: колобок: круглый, сказка, лиса, катится, тесто, вкусный, повесился, румяный, хлеб, шарик, бабушка, бабушкин, блины, болобок, большой, булка, булочка, веселый, глупый, дистрофик, докатился, желтый, зануда, из сказки, катился, катиться; колобок, я тебя съем; улыбающийся; куб, лобок, медведь, мучной, на урок, не ушел, от дедушки ушел, розовый, светлый, сделанный, сказочный, следствие, сожрали, старуха, сусеки, съедобный, съели; толстый, как колобок; убежал, укатился; улыбка, шар, шар с ногами.

От реакции — к стимулу: колобки — Знаменский, следствие, колобок — жирный, замесить, из дома, ком, комок, круглый, шар, шарик, сказка; бок, квадрат.

Интерпретация: в современной (конца XX века) русскоязычной культуре, для носителей этой культуры, колобок — это одно из составляющих экзистенциального опыта, в котором со-существуют онтологические определенности и неопределенности (ср. колобок — круглый, шар, куб, квадрат), в котором нет противопоставленности реальности и вымысла; колобок — это прежде всего персонаж сказки (одна из первых сказок, которую рассказывают ребенку в раннем детстве) [сказка, тесто, лиса, медведь, бабушка, сусеки, из сказки, от дедушки ушел, сказочный, старуха, съели; колобок, я тебя съем; убежал, укатился; из дома, замесить]; персонаж, ассоциирующийся с мужским началом в русской культуре (по преимуществу) [большой, булка, булочка (N.B. в русской культуре еды городская или французская булка имеет продолговатый, вытянутый вид), лобок, шар с ногами ("... символическое замещение мужского органа к-н другим, ногой или рукой" (З. Фрейд. Указ. соч. с. 97; "...

три полусогнутых ноги, исходящие из одного центра, по-видимому, стилизация мужских гениталий. Там же. С. 102); Знаменский, следствие (персонаж советского детективного сериала, руководитель следственной бригады майор Павел Знаменский (актер Г. Мартынюк), один из сексуальных символов советской бытовой массовой культуры 70-х годов) [вырожденный характер приобретает детская TV-передача конца 90-х гг. "Следствие ведут колобки", радиопрограмма «Колобок и два жирафа», персонаж романов А. Марининой и пр.] (см. В. С. Елистратов. Словарь крылатых слов. Русский кинематограф. М., 1999); характерологически колобок — это типичный циклоид-сангвиник — добродушный, реалистический экстраверт, синтоник [вкусный, румяный, веселый, улыбающийся, розовый, светлый, толстый, жирный]; в русской культуре XX в. колобок — это ностальгия шизоидов-аутистов по здоровым жизнерадостным натурам-личностям; эта ностальгия XX века оборачивается амбивалентной неприязнью к такого типа натурам, и колобок вдруг становится: глупым, дистрофиком. Повеселился, докатился (дошел до неблагодарного состояния вследствие чрезмерного ... (см. И. Юганов, Ф. Юганова. Словарь русского сленга. М., 1997), зануда, сожрали [так ему и надо], желтый (?) (предположит.: азиат (с отриц. коннотац.), азиатский (с отриц. коннотац.), низкопробное, пошлое, недобросовестное, ориентированное на скандальное) (Толковый словарь русского языка конца XX в. СПб., 1998; В. С. Елистратов. Словарь московского арга. М., 1994; Т. Макловский, М. Кляйн, А. Щуплов. Жаргон-энциклопедия московской тусовки. М., 1997).

В качестве заключения к этому примечанию несколько анекдотов.

Анекдот в пространстве российской словесности располагается в нейтральной зоне между повседневным общением и художественной речью. Это своего рода жанровый кентавр, который совмещает в себе признаки фольклора и разговорной речи. ... Анекдот всегда пуповиной связан с реальным фактом. Даже если основные события его сюжета вымышлены, они проверяются действительностью: так могло бы быть. Даже если в нем действуют фантастические герои, звери; даже если его действие происходит в ирреальном пространстве — на том свете, в космосе, на Луне и т.д. — в изображаемых поступках героев угадываются знакомые контуры обыденных повторяющихся ситуаций социального взаимодействия людей. Однако реальность, которая порождает фабулу анекдота — это реальность особого рода: она тяготеет к крайним, экзистенциально-смеховым проявлениям бытия. Только запредельный в своей забавности случай, который к тому же претендует на *бытийную типичность*, может лечь в основу анекдота. При этом, важно понимать,

что тот, кто в первый раз рассказывает анекдот, — не автор, а медиум, чьими устами говорит коллективное бессознательное этноса (К.Ф. Седов. Основы психолингвистики в анекдотах. М., 1998. С.3).

Счастливый Петька вбегает к Чапаеву и заявляет:

— Василий Иванович, я колобка зарубил!

— Как это было?

— Иду, я иду. Смотрю: колобок катится. Ну, я его и рубанул шашкой.

— Дурак ты, Петька, это Котовский траншею копал.

(Это просто смешно! или Зеркало кривого королевства / Анекдоты: системный анализ, синтез. Классификация. Автор вст. ст. и сост. Л. А. Барковский. М., 1994. С. 146).

— А ты слышал, сегодня по радио передавали страшное известие?

— Какое?

— В Москве ... колобок повесился!

(М. П. Чередникова. Современная русская детская мифология в контексте фактов традиционной культуры и детской психологии. Ульяновск, 1995. С. 158).

Чапаев Вас. Ив. (1887-1919), герой Гражд. войны, чл. КПСС с 1917. С 1918 команд. отрядом, бригадой и 25-й стрелк. дивизией, сыгравшей значит. роль в разгроме войск Колчака летом 1919. Погиб в бою. Образ Ч. отражен в повести Д. А. Фурманова "Чапаев" и одноим. кинофильме (СЭС. М., 1980. С. 1493).

Петька.

— Петька, в комендантскую! — скомандовал Чапаев. И сразу отделился и молча побежал Петька — маленький, худенький черномазик, числившийся "для особых поручений" (Д. А. Фурманов. Чапаев. М., 1968. С. 56).

[А. С. Маркин. Приключения Василия Ивановича Чапаева в тылу врага и на фронте любви. М., 1994].

Котовский Григ. Ив. (1881-1925), герой Гражд. войны. Чл. КПСС с 1920. В рев. движении с 1902, организатор вооруж. выступлений молд. крестьян в 1905 и 1915. Участник Окт. рев-ции в Молдавии. В Гражд. войне ком. кав. бригады, дивизии и корпуса (СЭС. М., 1980. С. 648).

Гражданская война и интервенция (1918-1920) в России, борьба рабочих и трудящихся крестьян под руководством Ком. партии за завое-

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС-Пресс, 2000. – Вып. 13. – 84 с. ISBN 5-317-00037-8

вание Окт. рев-ции против внутр. и внешн. контрреволюции... (СЭС. М., 1980. С. 338).

[Москва и московский текст русской культуры. М., 1998].

Переход к следующему комментарию: "Как и в каждой традиционной культуре, фундаментальные истины утверждаются на всех уровнях знания, хотя выражаются они средствами, присущими разным системам координат" (М. Элиаде. Мефистофель и андрогии. СПб., 1998. С. 149).

Комментарий 4. Жил-был старик со старухой...

Типовая ситуация постфигуративной культуры. Постфигуративная культура — это такая культура, где каждое изменение протекает настолько медленно и незаметно, что деды, держа в руках новорожденных внуков, не могут представить себе для них никакого иного будущего, отличного от их собственного прошлого. Прошлое взрослых оказывается будущим каждого нового поколения; прожитое ими — это схема будущего для их детей.

Кто не работает, тот ест того, кто работает.

Правда, преемственность в такой культуре зависит от одновременного проживания в ней по крайней мере представителей трех поколений.

Со стариком и старухой в целом "базара нет". Это — предки. От [Даля]: прѣдокъ м. прародитель, праотець, прадѣды и праматери; родоначальникъ, пртвпл. потѣмокъ; вообще, прешественникъ в семьѣ, родѣ, племени, по восходящему колѣну ... (т.е. безотносительно ко времени порождения потомства) — и до совр. Предки — родители. Он познакомит ее с предками, это будет вроде помолвки, а там сразу и поженятся (В. Бакинский. Знаки лабиринта); Мой-то предок через десяток лет вернулся и забрал меня из детдома, а Вадькины так и остались где-то на Колыме (Р. Агишев. Луна в ущельях). Собственно даже не имеет значения непосредственность в порождении именно следующего контактного поколения. Мифологическое и неомифологическое сознание актуализует перманентно циклическую модель времени. См. у того же Даля: Прѣдки м. мн. будущее, что еще передъ нами. Предки дѣло выкажутъ. Предками не заручайся, или не задавайся. На-предки этого не дѣлай. Предки у Бога въ рукахъ (В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. Т. 3. М., 1882. С. 387; А. Флегон. За пределами русских словарей. М., 1973. С. 269-270).

От социального устройства общества зависит, каких женщин и каких детей будет обеспечивать мужчина; хотя главное правило инвари-

антно: предполагается, что мужчина обеспечивает женщину и все ее потомство. При этом может быть совершенно несущественно, считаются ли эти дети его собственными или какого-нибудь другого мужчины, либо просто законными детьми его жены от прежних браков. Дети могут оказаться в его доме также благодаря усыновлению, выбору, сиротству. Ими могут быть девочки — жены его сыновей. Но представление о доме, в котором вместе проживает мужчина или мужчины и их партнерши, женщины, доме, куда мужчина приносит пищу, а женщина ее готовит, является универсальным (М. Мид. Отцовство у человека — социальное изобретение. В кн.: М. Мид. Культура и мир детства. М., 1989. С. 308-321).

Существенная черта постфигуративной культуры — это постулат, находящий свое выражение в каждом деянии представителей старшего поколения, постулат, гласящий, что их образ жизни, сколь много бы изменений в нем в действительности ни содержалось, неизменен и остается вечно одним и тем же. Тех, кто дольше всех был живым свидетелем событий в данной культуре, кто служил образцом для более молодых, тех, от малейшего звука или жеста которых зависело одобрение всего образа жизни, было мало, и они были крепки. Их острые глаза, крепкие члены, неустанный труд были свидетельством не только выживания их, но и выживания культуры, как таковой. Для того, чтобы сохранить такую культуру, "старики" были нужны для того, что служить законченным образцом жизни, как она есть.

Их образ жизни

Чем эти самые живут, / Что вот на паре ног проходят? / Пьют и едят, едят и пьют — / И в этом жизни смысл находят... / Надуть, нажить-ся, обокрасть, / Раствить, унижить, сделать больно... / Какая ж им иная страсть? / Ведь им и этого довольно! / И эти-то, на паре ног, / Так называемые люди / "Живут себе" ... И имя Блок / Для них, погрязших в мерзком блюде, — / Бессмысленный, нелепый слог... (И. Северянин, 1923).

Мужчины и женщины всех цивилизаций так или иначе ставили перед собой вопрос: "Что составляет специфические ценности человечества, чем люди отличаются от остального животного мира, насколько фундаментально и прочно это отличие?". Эта озабоченность может выражаться в настойчивом подчеркивании родства человека с животным. За поэзией и символической красотой великих жертвенных символов, когда агнец божий страдает за людей (превращаясь в козла отпущения) вновь утверждается родство человека со всеми живыми тварями.

"При смерти человека, — говорит Аккерман, — его душа переходит в рождающийся в этот момент индивидуум тотемного рода, и наоборот, душа умирающего тотемного животного переходит в новорожденного той семьи, которая носит его имя. Поэтому животное не должно убиваться и его нельзя есть, так как иначе был бы убит и съеден родственник". Животное тоже есть предок. Пойманный зверь знает всех предков героя: "Заговорил зверь, сказал он: дитя такого-то, такого-то, такого-то. Так он перебрал прозвища его дедушек, но не насчитал до десяти прозвищ, которых и мужчина не знал". Эта связь сохранена и в русской сказке. В сказке "Буренушка"¹ мачеха велит зарезать корову падчерице. Коровы говорит: "А ты, красная девица, не ешь моего мяса". В ряде вариантов эта корова — не что иное, как умершая родная мать девушки. Поев мяса коровы, девушка употребила бы в пищу кусок тела своей матери. В узком смысле слова животные часто оказываются родственниками героя. Правда, сказать "не ешь меня, я твой брат" животное в современной русской сказке не может. Поэтому данное положение переосмысливается в другое: животное не есть брат или отец героя, а становится им: "Ты не ешь меня, а будем-ка лучше братьями". Гораздо важнее, что герой и животное становятся зачастую не братьями, а отцом и сыном: "Пусть ты мой отец, а я тебе сын"². "И поймал он журавля и говорит ему: "Будь мне сыном"³. Формулу "ты меня не ешь, а будем-ка мы братьями" в исторической перспективе надо понимать как переосмысленное "ты меня не ешь, потому что мы братья" (В. Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946. С. 139-140).

Переход-связка: все звери, встречающиеся на пути у колобка, предки — родственники — (потомки, учитывая циклический характер времени).

Первый по счету на тропе — заяц. Он может быть/оказаться отцом: в белорусском полесье, в Харьковской губ. и на Кубани в игровых песнях о зайце к нему обращаются заюжно-бацюхно или заюшка-батушка. Но может оказаться и зятем. Учитывая, что лиса-сестра (см. ниже), а сексуальная связь зайца с лисой общеизвестна: "Тоди вона замуж пуйдэ, як вона в лисы зайца споймая" (Ровенская обл., Дубровицкий р-н, Озерск). Многие украинские и русские сказки "обсуждают" то, как заяц "обесчестил" лису (или волчиху — в этом случае родственные связи с волком, см. ниже) (напр., Русские заветные сказки А. Н. Афанасьева, №

¹ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. В 3-х т. Т. I. М., 1985. С. 122-124.

² Н. Е. Оичуков. Северные сказки. СПб., 1908. Зап., т. XXXIII. № 16.

³ Ивашко и ведьма // Народные русские сказки... Т. I. С. 141-143 (№ 107).

10-11) (А. В. Гура. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 177-199).

Второй на тропе встречается колобка — волк: кум (кумовство). Волк соотносится с "чужими": с женихом, с предком и пр. "Жили-были куманек и кумушка, волк да лисица" (Народные русские сказки А. Н. Афанасьева... Т. I. С. 24 (№ 12). Кумъ м. Кумá ж., восприемникъ, -ница, крѣстный отецъ и мать⁴: состоящие въ духовномъ родствѣ, вообще; но крестнику своему восприемники не кумъ и кума, а только между собой, и относительно родителей и родичей его (Даль. Словарь... Т. II. С. 217-218).

Следующий родственничек на пути колобка — медведь. Он — медведь — старик, дедушко. Повсеместно этимологически происхождение медведя связывается с человеком, обращенным в медведя в наказание за какие-либо провинности. Отсюда и название его личными именами: Мишка, Мишук, Михайло Иваныч (господин) Топтыгин, Топтыгин, Потапыч, Мхайло Потапович... (А. В. Гура. Указ. соч. С. 159-177).

[Русская антропонимия, как она складывается в XVI-XVII вв. резко разграничена социально. Бояр (а с эпохи реформ Петра I для высших членов в Табели о рангах) именовали трехчленно: индивидуальное имя + полное отчество (с — вич) + родовое имя; каждый из трех компонентов мог сопровождаться параллельным, например, разветвление боярских родов отражалось на родовых именах: Вельяминовы-Зерновы, Вельяминовы-Сабуровы и др.; любой из трех компонентов мог дополняться дедичеством и т. п. Для средних слоев преобладала такая формула именования: индивидуальное имя + отчество в форме краткого прилагательного на -ов(-ев), -ин. Вся остальная масса населения именовалась индивидуальным именем с обязательным формантом -ка, нередко с добавлением обозначения какого-либо признака (занятия, место рождения, краткого притяжательного прилагательного из имени отца) (Система личных имен у народов мира. М., 1989)].

Последний родственник в этой цепочке встреч на тропе — лисичка-сестричка, но она же невеста, она же кума. Известны легенды о невестке, проклятой свекровью или свекром и превратившейся в лису (А. В. Гура. Указ. соч. С. 199-257).

⁴ Тот факт, что колобок крещеный, не вызывает сомнения: обрядовый колобок из ржаной муки носил изображение креста наверху.

"Лисичка и говорит: "А что, волчику-братику, украдем этот пирожок и разделим его между собою по-братски." — "Хорошо, лисичка-сестричка, украдем" (Народные русские сказки... Т. I. (№ 4) С. 14).

Все персонажи нашей сказки двойственны (амбивалентны), они наделены и человеческими и животными признаками. Это характер (неомифологического мышления: следствие убежденности в отсутствии границ между людьми и животными. Наш мир — это не два мира, а один, в котором люди и животные слиты воедино и где все выглядит некой розовой патриархальной общиной. Семантика, мифическое время, принцип единства людей и животных — основы единства общежития. "В сказках перед нами возникают чисто русские картины: русские морозы, снега, избы, проруби, сани; русские обычаи сватанья, повоая, оплакивания покойников...". Этот тот дом и среда, которые естественны для людей и животных. И ведут себя люди и звери одинаково — здесь все на равных правах. В этом мире, где звери и люди живут по единым законам, действуют не некие условные ("общественный договор Ж.-Ж. Руссо") нормы морали, а самые простые "древние" инстинкты мифического времени, когда звери говорили, когда они были людьми" (Е. А. Костюхин. Типы и формы животного эпоса. М., 1987).

А ведь и сегодня общение с животными в жизни многих людей составляет особую, нередко значительную часть их душевной жизни. Некоторые люди в разных ситуациях могут разговаривать не только с животными и птицами, но даже с насекомыми: мухами, осами, пчелами и т. д. Ср.: "Пошла вон, мерзкая осица. Так тебе и надо, жадина, чтобы не лезла всюду". Постоянно же общается современный человек с домашними животными. Это общение редко обходится без разговоров. По наблюдениям лингвистов разговоры с животными выполняют две основные функции: эквивалент формы общения с человеком (животное — псевдоадресат) — "После размолвки сына с отцом. Сын собаке: Волька, пойдем с тобой отсюда. Раз с нами не хотят разговаривать, мы и уйдем. Мы вот сейчас возьмемся за лапы и уйдем. Да?"; разговор с животными в целях непосредственного общения с ними — "Женщина возвращается с работы, ей навстречу бежит кот: Моя радость, вот я и пришла. Скучал без меня?". В разговорах с животными человек чувствует себя раскованным. Это своеобразный жанр устной речи, интересный прежде всего тем, что он существует и сегодня, в начале XXI века; тем, что человек упорно обращает речь к "неговорящему существу". Животное же отвечает человеку на его слова по-своему, оно говорит с ним на языке чувств (О. П. Ермакова. Разговоры с животными: лингво-психологические

заметки. В кн.: Разновидности городской устной речи. М., 1988. С. 240-247).

В культурах такого рода каждый объект по своей форме, по тому, как с ним обращаются, как его принимают или отвергают, как им злоупотребляют, как ломают-уничтожают или же воздают ему заслуженные/незаслуженные почести, закрепляет формы производства и потребления всех других объектов. Каждый жест закрепляет, вызывает в памяти, отражает или же оказывается зеркальным образом, эхом любого другого жеста, более или менее полной версией которого он является. Каждое высказывание включает в себя формы, обнаруживаемые в других высказываниях. Любой сегмент поведения в данной культуре, если его проанализировать, оказывается подчиняющимся одному и тому же основополагающему образцу либо же закономерно связан с другими моделями поведения в данной культуре, в том числе с чувствами вне-временности всепобеждающего обычая (М. Мид. Культура и преемственность. В кн.: М. Мид. Культура и мир детства. М., 1988. С. 322-361).

Комментарий 5. Просит старик: "Испеки, старуха, колобок..."

Что это? С чего вдруг такая просьба? Это невыразимо на языке понятий. Это, скорее, экзистенциальная попытка осознания внутреннего бытия — своего, человека — в мире. Это проявление некоего духовного кризиса, в котором оказывается человек в постфигуративном сообществе, когда все вокруг — микро— макрокосмос — предопределено; а также того выбора, который он делает, чтобы выйти из этого кризиса. Одним из признаков кризиса может быть скука, как когнитивное эмоциональное состояние перехода от обыденного к изменённому состоянию сознания.

В контексте пишущихся нами примечаний совершенно справедливо следует указать на то, что один из способов невербального выхода в изменённые состояния сознания — это празднично-пиршественная еда, в пределе пир на весь мир. Изобилие еды и ее поглощение неразрывно связаны с телом и с образом производительной силы (плодородия, роста, родов). Еда — это открытость тела, момент его взаимодействия с миром; в акте еды тело выходит за свои границы, оно глотает, поглощает мир, вбирает его в себя. Происходит встреча человека с миром. Здесь человек вкушает мир, ощущает вкус мира, вводит его в свое тело, делает его частью себя самого. Эта встреча с миром всегда радостна и ликующа. В ней человек торжествует над миром, он поглощает его, а не его поглощают; граница между миром и человеком стирается здесь в положительном для человека смысле.

"Оканчивая писать, он [Чичиков] потянул к себе носом воздух и услышал завлекательный запах чего-то горячего в масле.

"Прошу покорно закусить", сказала хозяйка [Коробочка]. Чичиков оглянулся и увидел, что на столе стояли уже грибки, пирожки, скородумки, шанишки, пряглы, блины, лепешки со всякими припёками: припёкой с луком, припёкой с маком, припёкой с творогом, припёкой со сметочками, и нивесть чего не было.

"Пресный пирог с яйцом!" сказала хозяйка.

Чичиков подвинулся к пресному пирогу с яйцом и, съевши тут же с небольшим половиною, похвалил его. И в самом деле, пирог сам по себе был вкусен, а после всей возни и проделок со старухой оказался еще вкуснее.

"А блинков?" сказала хозяйка.

В ответ на это Чичиков свернул три блина вместе и, обмакнув их в растопленное масло, отправил в рот, а губы и руки вытер салфеткой. Повторивши это три раза, он попросил хозяйку заложить его бричку..." (Н. В. Гоголь. Мертвые души. Т. I. Гл. III).

Еда, обильная еда, всепоглощающая еда — напомним из примечания: колобёчатый выкормленный и холёный, взросший на колобах — как невербальная возможность выхода из ИСС оказывается, однако, двойственной.

В акте еды границы между телом и миром преодолеваются в положительном для тела смысле: оно торжествует над миром, празднует победу над ним, растёт за его счет, обретает состояние всеуспокоенности, блаженства, совершенства духовного, достигает гармонии с миром. Не может быть грустной еды. Грусть и еда несовместимы. Но смерть и еда совмещаются отлично. Пир всегда торжествует победу — это принадлежит к самой природе его. Пиршественное торжество — универсально: это — торжество жизни над смертью. В этом отношении оно эквивалентно зачатию и рождению. Победившее тело принимает в себя побежденный мир и обновляется.

Но есть и другая сторона еды: это — особая связь еды со смертью. Слово "умереть" в числе прочих своих значений значило также и "быть поглощенным", "быть съеденным". И это не абстрактный, голый конец — но именно завершение, чреватое новым началом. Амбивалентность состоит в том, что конец должен быть чреват новым началом, как смерть чревата новым рождением (М. М. Бахтин. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990. С. 307-334).

Н. В. Гоголь. Старостветские помещики.

Оба старичка, по *старинному обычаю* [традиция, ОСС] старостветских помещиков, очень любили покушать. Как только занималась заря (они всегда вставали рано) и двери заводили свой разногласный концерт, они уже сидели за столиком и пили кофий. < ... > После этого Афанасий Иванович возвращался в покои и говорил, приблизившись к Пульхерии Ивановне: "А что, Пульхерия Ивановна, может быть, пора закусить чего-нибудь?" "Чего же бы теперь, Афанасий Иванович, закусить? Разве коржиков с салом, или пирожков с маком, или, может быть, рыжиков соленых?"

"Пожалуй, хоть и рыжиков, или пирожков", отвечал Афанасий Иванович, и на столе вдруг появлялась скатерть с пирожками и рыжиками.

За час до обеда Афанасий Иванович закушивал снова, выпивал старинную серебряную чарку водки, заедал грибочками, разными сушеными рыбками и прочим. Обедать садились в двенадцать часов. Кроме блюд и соусников, на столе стояло множество горшечков с замазанными крышками, чтобы не могло выдыхаться какое-нибудь аппетитное изделие старинной вкусной кухни < ... > После обеда Афанасий Иванович шел отдохнуть один часик, после чего Пульхерия Ивановна приносила разрезанный арбуз и говорила: "Вот попробуйте, Афанасий Иванович, какой хороший арбуз". <...> Арбуз немедленно исчезал. После этого Афанасий Иванович съедал еще несколько груш и отправлялся погулять <...> Немного погодя он посылал за Пульхерией Ивановной или сам отправлялся к ней и говорил: "чего бы такого поесть мне, Пульхерия Ивановна?"

"Чего же бы такого?" говорила Пульхерия Ивановна: "разве я пойду скажу, чтобы вам принесли вареников с ягодами, которых приказала я нарочно для вас оставить?"

"И то добре", отвечал Афанасий Иванович.

"Или, может быть, вы съели бы киселику?"

"И то хорошо", отвечал Афанасий Иванович. После чего все это немедленно было приносимо и, как водится, было съедаемо.

Перед ужином Афанасий Иванович еще кое-чего закушивал. В половине девятого садились ужинать < ... > [ОСС].

Иногда, если было ясное время и в комнатах довольно тепло натоплено, Афанасий Иванович, развеселившись, любил пошутить над Пульхерией Ивановной и поговорить о чем-нибудь посторонним [поиск выхода в ИСС].

"А что, Пульхерия Ивановна", говорил он: "если бы вдруг загорелся дом наш, куда бы мы делись?" [ИСС] < ... >

Но Афанасий Иванович, довольный тем, что пошутил над Пульхерией Ивановной, улыбался, сидя на стуле [возврат к ОСС] < ... >

[другой вариант: ... и тогда Афанасий Иванович часто говорил, как будто не глядя на Пульхерию Ивановну: "Я сам думаю пойти на войну; почему ж я не могу идти на войну?" < ... > "Что ж", говорил Афанасий Иванович: "я куплю себе новое вооружение. Я возьму саблю или казацкую пику".

"Это все выдумки. Так вот вдруг придет в голову и начнет рассказывать", подхватывала Пульхерия Ивановна с досадою. "Я знаю, что он шутит, но все-таки неприятно слушать. Вот этакое он всегда говорит, иной раз слушаешь, слушаешь, да и страшно станет". Но Афанасий Иванович, довольный тем, что несколько напугал Пульхерию Ивановну, смеялся, сидя согнувшись на своем стуле...]

("Страшилки", рассказываемые Афанасием Ивановичем, являются одним из механизмов перехода из ОСС в ИСС: они имеют целью вызвать переживание страха, которое в заведомо защищенной и безопасной ситуации доставляет своеобразное наслаждение, приводит к эмоциональному катарсису. Не стоит забывать, что человеческое существование является зоной повышенной и открытой опасности; зоной, находящейся под неусыпным вниманием смерти, когда всякая опасность несет угрозу жизни, неотменяемую возможность смерти (см. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М., 1995. С. 444-445).

< ... > Задумалась старушка: "Это смерть моя приходила за мною!" сказа она сама в себе, и ничто не могло ее рассеять. Весь день она была *скучна*. < ... >

(Продолжение следует)